

Геннадий Айги: на границе речи

Ольга Соколова

И голоса умолкшего — прошу — примите место:

АКТЫ РЕЧИ И МОЛЧАНИЯ В ПОЭЗИИ Г. АЙГИ

Olga Sokolova

Of silent voice — I pray — take the position:
Acts of Speech and Silence in the Gennady Aygi's Poetry

Ольга Соколова (Институт языкознания РАН, отдел теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, старший научный сотрудник; доктор филологических наук) olga.sokolova@iling-ran.ru.

Ключевые слова: современная поэзия, прагматические параметры, речевые акты, Г. Айги, разговорная речь, автокоммуникация

УДК: 81'42

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_82

Статья посвящена анализу речевых актов, которые являются одними из наиболее распространенных прагматических параметров в поэзии Г. Айги. Для поэзии Айги характерен сдвиг от прямых перформативов — к косвенным речевым актам, что связано с поэтической автокоммуникацией, когда сообщение адресуется одновременно внешнему адресату и самому отправителю. Для достижения интерактивного взаимодействия Айги употребляет такие речевые акты, как экспрессивы, которые выражают психологическое состояние субъекта, директивы с функциями вопроса и просьбы, частотно использует глаголы говорения, а также иллокутивные акты, выходящие за границы традиционной классификации: косвенные речевые акты молчания и забывания языка, аналогичные иллокутивному самоубийству.

Olga Sokolova (Dr. habil.; Senior Researcher, Yuri Stepanov Centre for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences) olga.sokolova@iling-ran.ru.

Key words: contemporary poetry, pragmatic parameters, speech acts, Gennady Aygi, colloquial speech, autocommunication

UDC: 81'42

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_82

The paper deals with speech acts, which are one of the most frequent pragmatic parameters in the Gennady Aygi's poetry. The peculiarities of their functioning rely on the characteristics of the communication situation and the performative interaction with the addressee in his texts. The pragmatic feature of Aygi's poetry is a shift from direct performatives to indirect speech acts, which is associated with poetic autocommunication. To achieve interactive communication, Aygi utilizes expressive speech acts that convey the speaker's emotions; directive speech acts with the functions of question and request; the verbs of speaking; as well as illocutionary acts that go beyond the boundaries of traditional classification, such as indirect speech acts of silence and speech acts of forgetting the language, similar to illocutionary suicide.

...поэзия для меня неизменно — тот вид «действия» и «связи», который лучше всего выразить словом «священнодействие».

Г. Айги

...термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни.

Л. Витгенштейн

Поэтическое высказывание: на границе внутренней и разговорной речи

Особенностью поэтики Г. Айги является, с одной стороны, иноязычие, сформированное на границе чувашского и русского языков, внутренней и разговорной речи, шаманского камлания и народных песен, а с другой — выход за границы слова к тишине и — параллельно — в другие семиотические системы¹. В поэтике Айги интерференция возникает не только между разными языками, но и между различными знаковыми системами. Образуя зоны межсемиотического контакта, в которых взаимодействуют вербальные и невербальные средства, тексты Айги представляют собой полимодальные комплексы, речевые действия, направленные как на внешнего адресата, так и на внутреннего субъекта, а коммуникативная структура «внутренней речи» (по Л.С. Выготскому) накладывается на модель «автокоммуникации» (термин Ю.М. Лотмана)², что выражается посредством многочисленных прагматических маркеров и метаязыковых элементов.

Анализируя глубинную природу поэтического языка Айги, А.П. Хузангай описывает ее через понятие языка как универсальной семиотической структуры (языка поэзии, музыки, живописи — языка искусства вообще), где тексты «возникают из глубинного пересечения сокрытых смыслов, живописных плоскостей, музыкальных интонаций и пауз» [Хузангай 2017: 130].

На волне «перформативного поворота»³, распространившегося в 1960-е годы под влиянием философии обыденного языка Л. Витгенштейна и теории речевых актов Дж. Остина, в литературе формируется установка на перформативность (в виде перформанса, активного вовлечения адресата в художественный акт и пр.). Поэтические практики 1970-х также были направлены на перформативное воздействие на адресата. Однако эта перформативность по-разному реализовывалась в концептуализме и в неоавангарде.

Так, концептуалисты, вводя понятия концепта и концепции в центр художественного высказывания, работали с паттернами разговорной речи или фрагментами идеологического дискурса (И. Кабаков, И. Холин, Л. Рубинштейн,

1 Об иноязычии в поэтическом неоавангарде и его отличии от других форм взаимодействия языков в поэзии см. подробнее в: [Соколова 2019].

2 Одно из первых исследований, посвященное поэтическому языку как форме коммуникации, обладающей чертами внутренней и разговорной речи, представлено в: [Ковтунова 1986].

3 Подробнее о влиянии перформативного поворота на гуманитарные науки и литературу см.: [Бахманн-Медик 2017; Фещенко 2022].

Д.А. Пригов и др.), в то время как неоавангардисты погружались от прагматических разрывов на внешней поверхности дискурса к внутренней речи субъекта в форме диалога между разными языками (чувашским, французским, немецким, латынью, как у Г. Айги и Е. Мнацакановой) или в обращении к предшествующим стадиям развития своего языка (к диалектам, диглоссии, древнерусскому, как у В. Сосноры). В неоавангарде формируется особая стратегия поэтической коммуникации, противостоящая, с одной стороны, тоталитарному дискурсу, распространенному в официальной поэзии, а с другой — тем практикам поэтического письма, построенного на переосмыслении и фрагментации разговорной речи как одного из регистров проявления индоктринального дискурса, которые сформировались в концептуализме.

Общей тенденцией, характерной для экспериментальной литературы этого периода, стало «остранение» собственного языка, который с помощью нарушения нормативных синтаксических связей и прагматических функций обретал статус иностранного, чужеродного. В неоавангарде такое «остранение» было связано с преодолением языковой нормы и речевой конвенции с помощью включения в поэзию разговорной речи не столько в формате обрывочных коммуникативных фрагментов, сколько в виде прагматических маркеров, выступающих в функции метаоператоров и дающих новые инструменты для диалога внутри языка. Прагматические связи при этом распространяются двунаправленно, как по направлению между знаком и внешним адресатом (читателем), так и по направлению между знаком и самим отправителем (поэтом), участвуя в процессе автокоммуникации.

Непредикативные формы глаголов как показатели атемпоральности

Далее мы рассмотрим подробнее прагматические параметры, которые становятся одними из ведущих в поэтическом языке Г. Айги, — речевые акты. Согласно Дж. Остину, это речевые действия, или высказывания, которые организуют коммуникативную ситуацию, выступая одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения иллокутивной цели⁴ [Остин 1986: 117–118]. В основе этой теории лежит разделение высказываний на две основные группы: констативы (высказывания, которые описывают внешнюю ситуацию с точки зрения истинности или ложности) и перформативы (высказывания, которые выступают в роли речевых действий). Будучи действиями, совершаемыми при помощи слов, речевые акты формируют различные коммуникативные ситуации: благодарность, поздравление, вопрос, приказ, объяснение, извинение и т.д. Наряду с «эксплицитными» (или «явными», «чистыми») перформативами, выраженными в форме глагола изъявительного наклонения настоящего времени активного залога (например, *Я объявляю вас мужем и женой*) [Там же: 43], исследователи выделяют также «косвенные» (или «имплицитные», «скрытые») перформативы, которые выражают дополнительные значения помимо

4 От лат. *in locutio* 'говорение' — обозначает внеязыковую цель, ради которой говорящий совершает речевой акт: спрашивает или отвечает, информирует, уверяет, предупреждает и т.п.

того, что они непосредственно означают (например, *Не могли бы вы передать мне соль?* или *Курить запрещено*) [Сёрль 1986а: 196].

Хотя сам Дж. Остин отрицал возможность выявления иллокуции в «поэтическом употреблении языка», в котором нарушаются нормальные условия референции, приводя в пример цитату из Дж. Донна «Пойди и поймай падающую звезду» [Остин 1986: 90], в дальнейшем исследователи стали изучать литературу, опираясь на методы теории речевых актов [Derrida 1988; Hillis Miller 2001; *Literary Pragmatics* 1991] и другие прагматические методы [Радбиль 2012; Van Dijk 1981]. Обзор исследований литературы как коммуникации см. в: [Венедиктова 2015].

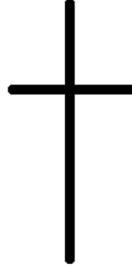
В поэтическом языке Айги предикативные формы глагола (спрягаемые формы) регулярно вытесняются с помощью непредикативных форм (инфинитивов, причастий и деепричастий), эллипсиса и номинализаций. Уход от предикативности является значимым маркером прагмасемантического измерения его текстов, прежде всего во временном аспекте. Как в функционально-грамматической, так и в прагматической перспективах, характеристика действия и коммуникативной ситуации в этих текстах выражается с точки зрения «внутреннего времени»⁵. Развивая идею А.В. Бондарко о «внутреннем времени» номинализаций, которое выражается прежде всего посредством семантической категории аспектуальности, можно говорить о разных языковых уровнях и грамматических формах реализации «внутренней темпоральности», основанной на уходе от четкой глагольной детерминации действия, в отдельных авторских поэтиках, как в случае Айги. В его текстах происходит сдвиг от характерного для поэтических текстов настоящего или прошедшего времени (в случае лирической и эпической поэзии соответственно) в область атемпоральности, с характерными для нее процессуальностью, длительностью и отсутствием временных границ.

Обращаясь к анализу глагольного времени в поэзии Айги, Н.А. Николина отмечает, что в результате употребления множественных непредикативных форм, в его текстах «форма времени глагола отсутствует как исходный дейктический центр» [Николина 2006: 24].

Это важная проекция грамматического времени в область прагматической категории дейксиса позволяет сделать вывод об употреблении непредикативных форм в роли шифтеров, выражающих особую коммуникативную ситуацию у Айги: сдвиг дейктических координат — от указания на конкретное время и место — в область атемпоральности и пространственной неопределенности. Например, в тексте «Поле старинное» причастия *пробивший* и *неумолкающий* употреблены без основного предиката, который должен был бы задать определенную темпоральную перспективу, и потому выражают атемпоральность как абсолютное время, соотносимое с внеязыковым моментом речи. То же связано и с пространством, где локус *Поле* сопоставляется с числительным *РАЗ*, указывающим на первый элемент числового ряда, но в данном контексте — при отсутствии других числительных или считаемых предметов — обладающим прагматической функцией называния первоэлемента (не случайно слово написано с заглавных букв) в поэтической ситуации:

5 О «внутреннем времени» девербативов в контексте функциональной грамматики см.: [Бондарко 1967].

о Божий
в творении Облика из Ничего
зримо пробивший
и неумолкающий
РАЗ

в образе Поля.

[Айги 2001: 36]

Временная проекция в поэтике Айги выражается разнонаправленно: дейктические маркеры, активно употребляемые в текстах, указывают одновременно на актуальную коммуникативную ситуацию и сдвиг от исходной точки *Origo* (термин К. Бюлера, см.: [Бюлер 1993]) — за границы конкретного времени-пространства, в область атемпоральности и внепространственности как абсолютных категорий.

О таком сочетании абстрактного и конкретного в поэтическом языке Айги как билингва, формирующего свой идиостиль на границе между чувашским и русским языками, разговорной и внутренней речью, пишет А.П. Хузангай:

Его личный поэтический язык может показаться чрезвычайно абстрактным. Слова тяготеют к абсолюту, поэт вопрошает высшие начала бытия, ино-бытия и не-бытия. Его синтаксис словно шифр, целью которого является сокрытие субъекта действия — реально действующей, разлитой во всем, энергии, выражающей представление о неявленном присутствии Бога-Творца в мире. Но, с другой стороны, его слово упирается в обыденность («вещность»). Там обретается теплотворность и пульсация жизни. Слово Айги как бы распято на кресте Неба и Обыденного [Хузангай 2017: 144].

Речевые действия в условиях интеракции и автокоммуникации

Рассмотренный выше сдвиг от конкретного и относительного времени — к абстрактному и абсолютному характерен и для речевых актов, которые чаще выражаются не прямым, а косвенным образом — с помощью номинализаций и других показателей. Например, косвенное выражение просьбы и благодарности: «(С **просьбой** вложить между следующими двумя страницами лист, подобранный во время прогулки)»; «**благодарение** / воздуху — чреву вторичному».

Хотя в основе поэтического высказывания лежит автокоммуникация, направленность поэзии Айги не только на внутреннего, но и на внешнего адре-

сата, является ключевым фактором перформативной природы его поэтического высказывания как речевого «действия» и «священнодействия» (используя слова самого Айги). Далее мы рассмотрим иллокутивные акты, ориентированные на внешний диалог с адресатом (интеракция) и на внутренний разговор с самим собой (автокоммуникация), которые часто пересекаются.

Поскольку коммуникативная ситуация в текстах Айги балансирует на границе между внешней и внутренней коммуникацией, в его текстах происходит отказ от строгой грамматической маркированности речевых актов, которые часто имеют косвенную форму выражения. Говоря об интерактивной направленности поэзии Айги, необходимо отметить указания на внешнего адресата, выраженного конкретными номинациями («брат мой / прощай»), именами собственными («простите брата Норвида») или абстрактными сущностями («благодарение Сну»; «благодарение воздуху»; «пора благодарности миру»). Кроме того, встречаются речевые акты с местоимением второго лица (*ты, вы*): «однако все это / (я заклинаю) — **вы!**..» Такое разнообразие номинаций в области адресации связано с ориентацией не только и не столько на определенного адресата, сколько на некоего идеального адресата (по В. Беньямину, см.: [Беньямин 2002]), способного совместить все режимы восприятия.

Среди интерактивно-ориентированных речевых актов у Айги часто встречаются акты благодарности, прощения, прощания и пожелания, которые, согласно классификации Дж. Сёрля, относятся к группе «экспрессивов», выражающих психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно наличествующего положения вещей (образцовые глаголы этой группы: *благодарить, поздравлять, извиняться, сочувствовать, сожалеть, приветствовать* и др.) [Сёрль 1986б: 183].

Самая распространенная иллокутивная функция у Айги — это ‘благодарность’, которая вступает в разные прагмасемантические отношения в контексте, указывая на объект благодарения (например, *Сон, мир, воздух*) и каузатор (причина: *за то, что Он — не только тайник; за свето-сгустки*): «Но, в то же время, **благодарение** Сну (хотелось сказать: Матери-Сну, — странен его род — мужской — и в русском, и во французском языках, — видно, все же, он — Бог-Сон), **благодарение** Ему за то, что Он — не только тайник, спальный мешок, — имитация Лона, — **благодарение** Ему за то, что прибор Его волн печет кое-что и для слуха, названного “поэтическим” <...> **благодарение** — за свето-сгустки, просвечивающие — может быть — ликами — еще незнакомыми (о еженощные — во сне — образки световые, — с тенями-иероглифами!)»; «и кажется все же: все больше мы люди / в беззащитности — люди: все больше / и **пора благодарности** миру // с небывалым понятием»; «И пусть, хоть и слабым свечением, дойдет — до вас — / движение и тепло **благодарности**, завершающее — круг»; «**благодарение** / воздуху — чреву вторичному».

В тех случаях, когда в речевом акте благодарности не выражается ни объект, ни каузатор, такая безобъектная конструкция оказывается воплощением благодарности в ее абсолютной функции, выражая благодарность как таковую: «Вместо “я жил” — **благодарность**: сокровищем нищего: / в веяньи этом (как зренье)».

В эту же группу входят иллокутивные функции ‘прощение’ («— **простите** мне слабому — // только уж отблесками малыми плакать о — в складках / (невозможно мне выразить) / в складках»; «я в свете Радости (**простите** брата

Норвида»); ‘прощание’ («Поляна-**Прощание**»; «Прощальное»; (так уж случилось мой друг: лишь теперь завершаю я надпись: / жарко-воздушный / родной золотой антрацитовый! — / брат мой / **прощай**; (“Так и душа...” — колыбельною песней: / **прощанью!** — сложить бы: грустнейшую в мире — из / фразы лишь этой»); «и здесь умолкая смущаем мы явь / но если **прощание** с нею сурово / то и в этом участвует жизнь»); ‘пожелание’ («вот и **желаю** тебе! / (счастье-молитва безмолвно) / в поле умолкнуть душою (“о Бог” говорим мы более-сердцем: долиной»); «**пожелаем себе**, для этого, ясного, словно простившего нас, — сна») и ‘сострадание’ («“я”-**состраданье** “я”-сон и “я”-память образ задерживают»).

Кроме того, встречаются побудительные речевые акты, входящие в группу «директивов», пропозициональное содержание которых состоит в том, чтобы слушающий совершил некоторое будущее действие (в эту группу входят глаголы спрашивать, приказывать, просить, молить, умолять, заклинать, приглашать, советовать, запрещать и др.) [Сёрль 1986б: 182].

Среди направленных на адресата директивов Айги использует глаголы спрашиваю и прошу: «и как — какими ранами — я спрашиваю / теперь друг другу соответствуете: / два странных тела — никому не нужных»; «и с а м подтверждаешь (глазами я спрашиваю) / что да: что ты — смысл: неизменный!»; «и голоса умолкшего — прошу — примите место / в свою семью!.. — умолкнуть — так — и мне / разрешено да будет».

Однако в текстах Айги такие речевые акты, ориентированные на внешнего адресата, регулярно получают автокоммуникативную направленность, как в примере с иллокутивным актом «авторефлексивного моления»: «Чтобы / **собой я молился**, / Ты / не наполняешься мне — молитвой, / и явным отсутствием / крепким / я окружен, как кругом». Или как в следующем примере, где иллокутивный акт выражается с помощью эксплицитного перформатива, но его изолированная позиция (графическое обособление скобками) указывает на отсутствие объекта: при этом заклинание (как интенсивная просьба) может быть и автообращенным речевым актом, и абсолютным актом, направленным на коммуникативную ситуацию в целом:

однако все это
(я **заклинаю**) — вы!.. —

сплавьтесь — с последнею болью!.. — с пламенем лета!.. — вы вместе с душою в
Ненастьи-Стране —

Огонь-Отчаянье!..

[Айги 2001: 228]

Наиболее частотными в текстах Айги оказываются иллокутивные глаголы, которые относятся к группе глаголов говорения, или *verba dicendi*: говорить, повторять, прошептать, грохотать, петь и др. В этих глаголах эксплицируется перформативная формула «Я говорю тебе, что...», но они не выражают отношение говорящего к речевому акту или коммуникативной ситуации (просьбу, убеждение, сожаление и др.). Как отмечает Е.В. Падучева, в разговорной речи такие глаголы «с обязательностью опускаются», но в том случае, если говорящий оставляет их, они получают «не обычное, а какое-то более богатое значение» [Падучева 1985: 138].

Частотность их употребления в текстах неоавангардных поэтов отражает установку на повышенную саморефлексию и автокоммуникацию, реализуемую через диалог не только разных языков, но и внутренней и разговорной речи. Так, Мнацаканова активно использует глаголы *говорю* (*rede*) и *пою*, которые не просто указывают на процесс или ритмичность произнесения речи, но акцентируют значимость самого акта говорения, наполняемый коммуникативным значением, и задает перформативность слова как жеста (см. подробнее: [Соколова 2022: 242]).

У Айги эти глаголы выступают маркерами слова как действия, направленного одновременно на внешнюю коммуникативную ситуацию и создающего связи в пространстве внутренней речи. Это тот самый «разговор на расстоянии» и «разговор с собой», совершаемый внутри поэтического языка, о котором говорил сам Айги и в котором «языковое пограничье» (термин А.П. Хузангая [Хузангай 2017: 133]) соединялось с пограничьем функциональным (поэтическая и магическая функции языка) и перформативным (слово как жест разговорной и внутренней речи).

В таком слиянии внутренней и разговорной речи, поэтического высказывания как интерактивного и автокоммуникативного действия, разных языков и семиотических систем и достигается выражение поэзии как «священнодействия», о котором писал Айги:

В моем эстетическом воспитании, конечно же, многое связано с чувашской культурой. <...> Прежде всего, это наверняка сказалось в том, что поэзия для меня неизменно — тот вид «действия» и «связи», который лучше всего выразить словом «священнодействие». С детства, еще не зная, что это называется «поэзией», я наблюдал вокруг себя именно эту ее «функцию». Позже я все более утверждался в мысли, что она нужна для «оперирования духовными силами», не исключая (а включая) и ту необходимость, что она нужна для «выявления и поддерживания родства» между людьми [Айги 1975: 195].

Если другие речевые акты представлены в поэзии Айги преимущественно в виде косвенных форм, то иллокутивные акты «чистого» говорения регулярно выражаются в форме эксплицитных перформативов: «о эту рану сохранию как центр / пусть **говорю** я светит ею / светит существующее / скользя уходишь и уже звезда»; «и **говорю** я — слава “Ты”»; «(**говорю** я “глазки”: как будто слышны — среди игрушек твоих — слова прекратившегося возраста)»; «и вот за Желтым нарисованным / я сплю и “спите ноги — **говорю** — и спите руки”». Иногда *говорю* употребляется в форме множественного числа, служа для выражения мы-инклюзивного, отсылая к хоровому субъекту и синтетическому народному творчеству, близкому чувашской фольклорной традиции: «“Бог” **говорим** и “бессмертье” и “Ты”».

Метаязыковая функция активизируется в контекстах с многочисленными повторами *говорю* («— и **говорю** ума я **говорю** / не приложить какая же причина / а разве чистое во мне не может произвольно / тоскою веять **говорю** — // <...> мне можно **говорю** мне думаньем / моим тяжелая луна сырая / учит»), в указании на автокоммуникативный режим высказывания («что же? — **себе говорю** / место ль не тронута бывшего взгляда»), в употреблениях *говорю* с другими глаголами говорения, типа *скажу*, *сказать* («— какое дело но: **скажу** / да: в месяц маков **говорю** и роз / чтоб — так **сказать** — смягчить») или в сочетаниях, типа *говорю слова*, тавтологичных по форме, но благодаря

повтору наделяющих каждое слово новым значением: «и склонившись к тебе **говорю** / **слова** от которых глаза в темноте начинают влажно блестеть».

Для акцентирования актуального режима интерпретации поэтического сообщения служат дейктические маркеры, например указатель пространственного дейксиса *здесь*:

(а здесь:
я говорю: а здесь:
сеченья: видно:
тайна:
золотого:

и здесь мне даже не шептать).

[Айги 1991: 221]

Косвенные речевые акты, относящиеся к этой группе, включают ономотопеи («над снежною песнью ли гречки стуча по-воздушному / **ау-проглянуло** / и — нет?»; «гуляющее **“тук-тук”** дверного косяка»; «одинокое **“угу”** гладиолуса»), характерные для Айги окказиональные композиты с инфинитивами («отблестанье / покрыло: и имени нет / чего-иль-кого-Что-теперь-и-**назвать**-уже-пусто-и-позд-/но! — того: в отстраненье закрытом! — лишь кости сияют скорей чем свет глаз над лицом!»), формы прямой речи с указанием самого поэта как отправителя («вечное **“до свидания”** дяди Айги») и существительные с семантикой речи и говорения:

тааааААААААааааам:

лиИИик:

/крика/

[Айги 2001: 63]

(Лес-Мирозданье с единственной птицей:

с **криком**-душой).

[Там же: 217]

Аномальные сочетания с глаголом *говорю* (*я мёртво говорю*) или *забываю* <как говорить> (*забываю слова*) семантически схожи с иллокутивным самоубийством⁶, поскольку само их употребление приводит к коммуникативному дефолту в условиях конвенциональной речевой ситуации. Однако у Айги такие

6 Согласно З. Вендлеру, существует группа глаголов говорения, которые содержат семантический компонент, разрушающий иллокутивную цель (так называемый подрывной фактор), такие как *лгать*, *голословно заявлять*, *ругать*, *льстить* и др., употребление которых в первом лице единственного числа настоящего времени не приведет к достижению иллокутивной цели (нельзя обмануть, сказав *я лгу*) [Вендлер 1985: 240–241].

сочетания указывают на переход между внешним диалогом и внутренней речью, обозначают тонкую границу между говорением и молчанием: «в крови “к а с т е т” я вплавил / и теперь / **я мёртво говорю** / и режет — вплавиться — очередное слово / отечественным стать». Часто в роли единиц, косвенно маркирующих иллокутивное самоубийство, выступают глаголы с семантикой забывания, которые относятся в контекстах к акту говорения («голова / ягуаровым резким движеньем, / и, повернувшись, **забываю слова**») или пения («и я **забывал** это было всю жизнь **забывал** колыбельную голосом бывшую чтобы всю жизнь вспоминать колыбельную будто **безмолвно-первичную** духом меня изначально раскрывшую шириться мне обещая свободно без края»).

Отдельную группу неконвенциональных иллокутивных актов, не выделяемых в рамках традиционных классификаций, составляет акт молчания (и тишины)⁷. Об особой роли молчания в поэзии, неотъемлемого и имеющего определяющее значение для поэтического высказывания, неоднократно высказывался сам Айги: «И вот, парадокс... в поэзии, наряду с говорением, существует и молчание, но даже оно создается только Словом: молчащая Поэзия — говорящая некоторым иным способом...» [Там же: 158].

Выражение тишины и молчания в тексте достигается различными средствами, среди которых Дж. Янечек выделяет редукцию текста, минимализацию выразительных средств и поликодовость: «...все творчество Г. Айги создано под знаком минимализма. <...> Айги показывает, как можно (и лучше) делать поэзию из совсем небольшого. В минимализме поэтических средств необходимо глубокое уважение к словесному материалу и к способу его передачи» [Янечек 2006: 149].

Другим способом выражения молчания становятся преимущественно косвенные речевые акты, в которых оно выражается в номинативной и непредикативной форме: «и одно остается: овраги; **молчание**; вижу; овраги»; «что больше говорим — кружа вокруг **молчаньем**»; «**молчаливое** “здравствуй” гвоздя»; «боярышник — при пении **молчащий** / как бог **молчащий** — за звучащим Словом: / **молчащий** — личностью неприкасаемой: / лишь тронь — и будет: Б о г а н е т»; «События: некоторые часы — **тишины**».

Молчание становится перформативным жестом иного говорения, на доили сверхвербальном уровне. Как черный квадрат становится многомерным знаком на белом фоне, так и молчание обретает звучание через сопоставление со словами, обозначающими слабый звук (*шепот*): («так (если **молчанье** — в словах / и последнее веется): / к вам — слабостью **шепото-ткани** (того же / и в думаньи)») и получает новые значения через паронимическое сближение со словами, обозначающими не обычное говорение, а скорее звучание многочисленных голосов (*моль* — ср. с цитатой «Людская моль и конский топ» из А.С. Пушкина): «веянье: помни: **в молчании — моль**».

В связи со значением молчания в поэзии неоавангарда можно привести примеры из поэзии Мнацакановой, которая использовала глаголы молчания, так же активно как глаголы говорения: «**помолчи нас** и помилуй / нам помилуй нас **молчи нас** и помилуй нам <...> / светлая моряна **помолчи нас!** / святая моряна помилуй нас!». Важно отметить, что в этом примере глагол по-

7 Тишина и молчание у Айги неоднократно становились объектами исследования (см., например: [Маурицио 2016; Постовалова 2016; Янечек 2006] и др.), но не рассматривались прежде с точки зрения теории речевых актов.

молчи выражает аномальную форму глагольного управления, поскольку является непереходным и не имеет прямого объекта. У Мнацакановой же сфера его функционирования расширяется за счет формирования новых валентностей.

Итак, анализ речевых актов в текстах Айги позволил выявить значимость прагматического измерения для его поэзии и исследовать особенности поэтической коммуникации. Для поэзии Айги характерен сдвиг от прямых перформативов к косвенным речевым актам, что связано со спецификой его поэтического высказывания как перформативного жеста, направленного одновременно вовнутрь (авто) и вовне (к конкретному и/или идеальному адресату). Поскольку прагматическая ситуация балансирует на границе между внешней и внутренней коммуникацией, высказывание не требует строгой грамматической маркированности. Для самого Айги поэзия представляла одновременно и внешний речевой жест, и автокоммуникативное действие, и «священнодействие», возникающее из синтеза разных режимов высказывания, языков и семиотических систем.

Разнонаправленность диалога — по внутренней и внешней линии референции — выражается в частотности употребления экспрессивных, иллокутивных актов, которые выражают психологическое состояние субъекта (в функции благодарности, прощения, прощания и пожелания, в том числе в форме абсолютной благодарности), и директивов (в функции вопроса и просьбы). Речевые акты, конвенционально ориентированные на внешнего адресата, могут получать у Айги автокоммуникативную направленность на самого поэтического субъекта, как в случае с актом авторефлексивного моления. Автокоммуникативные функции доминируют при употреблении глаголов говорения. Иллокутивные акты молчания, характерные для Айги, оказываются максимально приближенными к автодиалогу и удаленными от внешней коммуникации, выражая функцию поэтического высказывания как действия, в котором молчание оказывается семантически и прагматически равнозначно говорению.

Библиография / References

- [Айги 1975] — *Айги Г.* Стихи 1954—1971 гг. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1975.
(*Aygi G.* Stikhi 1954—1971 gg. München, 1975.)
- [Айги 1991] — *Айги Г.* Здесь: Избранные стихотворения. 1954—1988. М.: Современник, 1991.
(*Aygi G.* Zdes': Izbrannye stikhotvoreniya. 1954—1988. Moscow, 1991.)
- [Айги 2001] — *Айги Г.* Разговор на расстоянии. СПб.: Лимбус-Пресс, 2001.
(*Aygi G.* Razgovor na rasstoyanii. Saint Petersburg, 2001.)
- [Бахманн-Медик 2017] — *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
(*Bachmann-Medick D.* Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Беньямин 2002] — *Беньямин В.* Задача переводчика / Пер. с нем. Е. Павлова // Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен. СПб.: Академический проект, 2002. С. 87—111.
(*Benjamin W.* Die Aufgabe des Übersetzers // *Derida Zh.* Vokrug Vavilonskikh bashen. Saint Petersburg, 2002. — In Russ.)
- [Бондарко 1967] — *Бондарко А.В.* Русский глагол: Пособие для студентов и учителей. Л.: Просвещение, 1967.

- (Bondarko A.V. Russkiy glagol: Posobie dlya studentov i uchiteley. Leningrad, 1967. — In Russ.)
- [Бюлер 1967] — Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. Т.В. Булыгиной. М.: Прогресс Универс, 1993.
- (Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Moscow, 1993. — In Russ.)
- [Вендлер 1985] — Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / Пер. с англ. А.А. Зализняка // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 238—250.
- (Vendler Z. Illocutionary suicide // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika. Iss. XVI. Moscow, 1985. P. 238—250. — In Russ.)
- [Венедиктова 2015] — Венедиктова Т.Д. Литературная прагматика: конструкция одного проекта (обзор исследований литературы как коммуникации) // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 326—345.
- (Venediktova T.D. Literaturnaya pragmatika: konstruktivnaya odnogo proekta (obzor issledovaniy literatury kak kommunikatsii) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. No. 135. P. 326—345.)
- [Ковтунова 1986] — Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3—13.
- (Kovtunova I.I. Poeticheskaya rech' kak forma kommunikatsii // Voprosy yazykoznanija. 1986. No. 1. P. 3—13.)
- [Маурицио 2016] — Маурицио М. Роль невербальных элементов в раннем творчестве Г. Айги и Г. Саггире. К постановке вопроса // Russian Literature. 2016. № 79—80. С. 161—171.
- (Maurizio M. Rol' neverbal'nykh elementov v ranem tvorchestve G. Aygi i G. Saggira. K postanovke voprosa // Russian Literature. 2016. No. 79—80. P. 161—171.)
- [Николина 2006] — Николина Н.А. Категория глагольного времени в поэзии Геннадия Айги // Айги: Материалы. Исследования. Эссе: В 2 т. / Сост. Ю.Б. Орлицкий и др. М.: Вест-Консалтинг, 2006. Т. 1. С. 24—33.
- (Nikolina N.A. Kategoriya glagol'nogo vremeni v poezii Gennadiya Aygi // Aygi: Materialy. Issledovaniya. Esse: In 2 vols. / Comp. by Yu.B. Orlickiy et al. Moscow, 2006. Vol. 1. P. 24—33.)
- [Остин 1986] — Остин Дж.Л. Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 22—130.
- (Austin J.L. How to do things with words // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov. Moscow, 1986. — In Russ.)
- [Падучева 1985] — Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Языки русской культуры, 1985.
- (Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. Moscow, 1985.)
- [Постовалова 2016] — Постовалова В.И. Слово и молчание в художественном мире Г. Айги (опыт теолингвистического осмысления) // Russian Literature. 2016. № 79—80. С. 99—110.
- (Postovalova V.I. Slovo i molchanie v khudozhestvennom mire G. Aygi (opyt teolingvisticheskogo osmysleniya) // Russian Literature. 2016. No. 79—80. P. 99—110.)
- [Радбиль 2012] — Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012.
- (Radbil' T.B. Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrey Platonov i drugie. Moscow, 2012.)
- [Сёрль 1986а] — Сёрль Дж. Косвенные речевые акты / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 195—222.
- (Searle J.R. Indirect speech acts // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov. Iss. XVII. Moscow, 1986. P. 195—222. — In Russ.)
- [Сёрль 1986б] — Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.
- (Searle J.R. A classification of illocutionary acts // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov. Iss. XVII. Moscow, 1986. P. 170—194. — In Russ.)
- [Соколова 2022] — Соколова О.В. О вымолви! Молви! То слово безмолвия!: поэтическая прагмасемантика глаголов говорения в текстах Е. Мнацакановой // Сборник матице Српске за славистику. 2022. № 101. С. 237—255.
- (Sokolova O.V. O vymolvi! Molvi! To slovo bezmolviya!: poeticheskaya pragmasemantika glagolov govoreniya v tekstakh E. Mnatsakanovoy // Zbornik matitse Srpske za slavistiku. 2022. No. 101. P. 237—255.)
- [Соколова 2019] — Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019.
- (Sokolova O.V. Ot avangarda k neoavangardu: yazyk, sub'ektivnost', kul'turnye perenosy. Moscow, 2019.)

- [Фещенко 2022] — *Фещенко В.В.* Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвоэстетики. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (*Feshchenko V.V.* Yazyk v yazyke. Khudozhestvennyy diskurs i osnovaniya lingvoestetiki. Moscow, 2022.)
- [Хузангай 2017] — *Хузангай А.П.* Без иллюзий: мой современник. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017.
- (*Khuzangay A.P.* Bez illyuziy: moy vremennik. Cheboksary, 2017.)
- [Янечек 2006] — *Янечек Дж.* Поэзия молчания у Геннадия Айги // Айги: материалы, исследования, эссе: В 2 т. / Сост. Ю. Орлицкий и др. Т. 2. М.: Вест-Консалтинг, 2006. С. 140—153.
- (*Janecek G.* Poeziya molchaniya u Gennadiya Aygi // Aygi: materialy, issledovaniya, esse: In 2 vols. / Ed. by Yu. Orlicsky et al. Vol. 2. Moscow, 2006.)
- [Derrida 1988] — *Derrida J.* Limited Inc. / Transl. from the French by S. Weber. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1988.
- [Hillis Miller 2001] — *Hillis Miller J.* Speech Acts in Literature. Stanford: Stanford University Press, 2001.
- [Literary Pragmatics 1991] — *Literary Pragmatics* / Ed. by R.D. Sell. London: Routledge, 1991.
- [Van Dijk 1981] — *Van Dijk T.* The Pragmatics of Literary Communication // Van Dijk T. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Motion, 1981. P. 243—264.